

РУССКОЕ Слово

WWW.RUSLO.CZ

ИЗДАНИЕ
РУССКОЙ
ДИАСПОРЫ
В ЧЕШСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ

Русский некрополь:
Крипта Ольшанского
храма

Прошлое и будущее
русского Лемноса

Слово детям

№ 10/2009
ОКТАБРЬ

50 Kč

Александр и Наталья
Козловы

Йиндржих Йиндржишек или Генрих Игнатьевич

один из организаторов противогабсбургского движения среди чехов, живших в России, некоронованный король «русских чехов», самостоятельный консул.

Окончание, начало в № № 7—8/2009 и 9/2009

29.7.1917. В первом ряду — Й. Кудела, П. Макса, Й. Клецанда, В. Гирса, Т. Г. Масарик, О. Червены, Р. Медек и неизвестный

Т. Г. Масарик в России

Вскоре после окончания в Киеве III Съезда Союза ЧС обществ и создания Филиала Чехословацкой Народной Рады в России Томаш Гарриг Масарик, провозглашенный верховным руководителем чехословацкого освободительного движения, сам приехал в Россию. Главной целью его деятельности было создание армии как основы самостоятельного Чехословацкого государства.

О чешской инициативе российских чехов Т. Г. Масарик знал раньше, видел ее по-своему, критиковал и даже высмеивал. Основным недостатком считал отсутствие профессиональных военных в руководстве. Георг Поспишил приводит его слова, сказанные 16 июня 1917 года в Москве до поездки в Бобруйск и Киев: «Здесь за целых три года ничего не сделано...».

Через две недели произошли бои Чехословацкой бригады с австрийскими и немецкими войсками у Зборов и Тернополя, принесшие ей широкую известность. Это был

убедительный ответ Т. Г. Масарику. Только через месяц, побывав в Бобруйске, а потом в Киеве и Борисполе на смотрах воинских частей, он увидел действительность.

В Киев Т. Г. Масарик приехал 29 июля 1917 года, в тот же день посетил раненых в двух больших земских больницах города, ставших госпиталями, а вечером в Стромовке провел встречу с чехословацкой общественностью. Рудольф Медек потом лаконично написал: «Здесь собрались Т. Г. Масарик, Петроград, Киев, земляки, добровольцы и пленные. Соединил их „Коменский“ — земляческая организация, пекущаяся о чешской школе в Киеве». После встречи Масарик осмотрел Стромовку и школу, беседовал со З. Штепанеком о театре, смотрел спектакль. Положительно отзывался о театре, посоветовал сделать его передвижным: «Армия должна иметь театр на колесах».

Второй день, 30 июля, Т. Г. Масарик провел в «Кредитном учреждении» в Пассаже на Крещатике 25. Там шло собрание

Комитета городских обществ — деловой элиты чехов Юга России. Обсуждали проблемы освободительного движения, создания армии и изыскания средств для нее. Г. И. Йиндржишек объяснял: «Хотели мы иметь войско малое и стальное», а Т. Г. Масарик его поправлял: «Хотим иметь войско большое и стальное». Но было ясно, что быстрое формирование большого войска из пленных приведет к снижению качества подготовки, и оно перестанет быть стальным. Думали, как это преодолеть. Вечер Т. Г. Масарик провел в доме музыкантов Киевской оперы Яромира и Анежки Шкворовых.

На следующий день были посещения нового командующего Киевским военным округом эсэра подполковника К. М. Оберучева, назначенного Временным правительством вместо генерала от инфантерии Н. А. Ходоровича, воинского начальника города генерала Цицовича и штаба Киевского военного округа. Вечером состоялся «политический ужин» в честь Т. Г. Масарика в доме Червенов (Вознесенский спуск 12/2).

Вид на Кирилловскую церковь, 1912 год. Масарик во время своего визита в Киев посетил расположенную рядом Кирилловскую больницу.

В 1918 году

Конец 1917 года для Г. И. Йиндржишека был трудным. Настала разлука экономики. Музыкальные инструменты не имели спроса. Продукция «Чешской возовки» стала ненужной. «Экстрафон» остановил производство — не было материалов, а работники из военнопленных ушли в добровольцы. Предприятия перестали существовать. На их месте со времен НЭПа возникла государственная Весовая фабрика, а позже — Завод порционных автоматов.

Год 1918-й начался в Киеве бурно с январского восстания рабочих завода «Арсенал» против Центральной Рады, с прихода большевистских отрядов под командованием Муравьева, ухода украинской Центральной Рады с гайдаками из Киева.

Томаш Гарриг Масарик был в это время в Киеве. Благодаря его дипломатическим маневрам, Чехословацкий корпус занял нейтральную позицию по отношению к сторонам, участвующим в Гражданской войне. Это было закреплено договорами сначала с Центральной Радой, а затем с командиром большевистских войск М. Муравьевым. Чехословацкие полки готовились к уходу с Украины.

22 февраля Т. Г. Масарик нелегально, под псевдонимом «доктор Марсден» уехал в санитарном поезде из Киева на восток. В следующие дни из города уходили и чехословацкие части. Рудольф Медек перед своим уходом зашел к Червеным, а вечером был в доме у Генриха и Марии Йиндржишеков. Это был последний ужин и последний разговор о том, что будет дальше. Когда поздним вечером Р. Медек шел к себе на Трехсвятительскую, полицейский на улице ему сказал, что в Святошино вошли немцы. Узнав это, он решил уходить. Взял свой рюкзак, пошел к Днепру, перешел его по Цепному мосту, оказался в Никольской Слободке, где разместился штаб дивизии.

Первого марта 1918 года Чехословацкий корпус весь был на левом берегу Днепра, а в Киев вернулось правительство Центральной Рады и прибыли его защитники — немецкие войска. С ними пришли сыщики австрийской полиции искать «предателей» Австро-Венгрии.

В списки попали фамилии всех, кто упоминался в информации о добровольцах, публиковавшейся в еженедельниках «Чехословак», «Чехослован» и других газетах и журналах. Эти издания были не один год невольными информаторами австрийской полиции. И только благодаря существовавшему немецко-австрийскому антагонизму, немецкие военные не давали австрийской полиции свободу действий.

Забегая вперед, заметим, что в 1919 году, уже в свободной Чехословакии, этот австрийский список из 1400 «предателей» в алфавитном порядке с описанием их «предательства» издал бывший редактор петроградского «Чехословака» Флориан Заплетал, написав к нему большое предисловие. Книга называется «Альбом предателей»

Немецкие войска
возле Городской
думы в Киеве

(Album velezradců). В книге много страниц отведено Т. Г. Масарику. Полстраницы получил и Й. Индржишек. Ему вменялись такие «преступления» как председательство в обществе Я. А. Коменского, подписание в 1914 году воззвания Чешского комитета в Москве о создании Дружины, организация фонда Чешской Дружины и денежные взносы в него, почетное членство в комитете помощи жертвам войны, избрание на I съезде в финансовый комитет Союза ЧС обществ, организация в помещении своей фирмы выставки, посвященной Дружине во время II Киевского съезда, и многое другое. Вернувшись на родину, Й. Индржишек читал эту книгу, и у него текли слезы.

С Чехословацким корпусом ушел в Левобережье и Филиал ЧС Народной Рады. В Киеве и Правобережной Украине остались гражданские «российские» и «австрийские» чехи-старожилы со своими семьями, а также военнопленные, которые по разным причинам не стали воинами. Союз Чехословацких обществ, переживавший ранее стагнацию, оставался в Киеве. Он был еще более ослаблен, особенно после того, как немцы арестовали В. Вондрака и поместили его в Лукьяновскую тюрьму. Через полтора месяца его отпустили. Он скрылся и ушел на Кубань к генералу Деникину.

К осени стало ясно, что появились разные группировки. Старожилы начали группироваться вокруг общества Я. А. Коменского во главе с Г. И. Индржишеком или Народнохозяйственного объединения с В. Амброжем и В. Винаржем. Военнопленные и молодежь примкнули к К. Клемперу. Были сторонники редактора Л. Грунда, Я. Вольфа и архитектора Вишека.

В ноябре 1918 года в Киев пришла новость — провозглашена самостоятельная Чехословацкая Республика. Это событие вызвало значительное оживление среди соотечественников, и все изменилось. Те, кто имел австрийское гражданство — старожилы и военнопленные — автоматически стали гражданами Чехословакии и начали объединяться в Общество граждан этой страны. Для чехов с российским под-

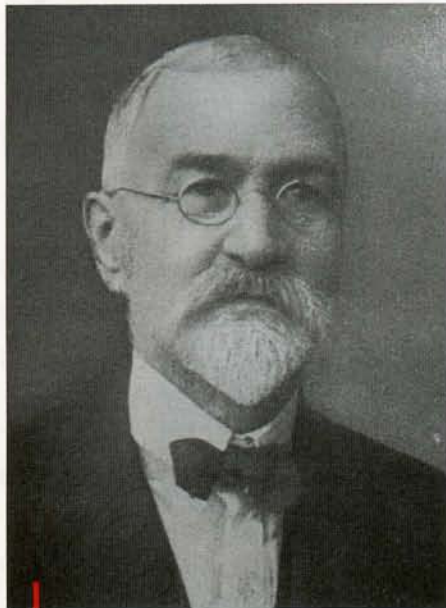
данством этот вопрос не решался никак. Они не знали, в каком государстве живут. За это время трижды приходили большевики. Приходили белые. Украинская власть сама трижды менялась: Центральная Рада, Гетманство, Директория...

Начались споры между группами о том, кто и как будет поздравлять новую власть. Хотели провести в ее честь манифестацию на улицах города. Но для этого надо было просить разрешения немецкой комендатуры. Это сочли аморальным. Получить разрешение украинской власти без участия в этом немецкой комендатуры было невозможно. На собрании 2 ноября спорили о том, кто имеет право подписывать приветствие власти, но безуспешно. Были разные нереальные предложения. После дискуссий только 7 ноября послали в Прагу приветствие от имени двух старых организаций: Общества Я. А. Коменского, которое подписал председатель Й. Индржишек, и Чешского Народнохозяйственного союза, подписанное председателем В. Амброжем.

Четвертого ноября на Крещатике 41 на втором этаже магазина Й. Индржишека под видом общеобразовательной лекции общества Я. А. Коменского собрались 80 членов чешской колонии, которые основали Комитет граждан Чехословацкой Республики. Председателем избрали Ладислава Грунда. Задачей комитета являлась организация всех чехословацких граждан и забота о репатриации военнопленных. Во время собрания по Крещатику и Фундуклеевской ходили «сигнальщики», чтобы предупредить собравшихся в случае появления немцев.

Г. И. Индржишек с марта 1918-го и до прихода большевиков в начале 1919 года пытался спасти свои предприятия и школу от разрухи и был защитником земляков-старожилов, общественным консулом.

В феврале 1919 года пришли большевики. Началась экспроприация. Как-то к «буржую» Г. И. Индржишеку пришел красноармеец с написанным на смятой бумажке приказом командира полка выдать безвозмездно предъявителю гармонь для нужд полка. Генрих Игнатьевич возмутился и сказал: «Се-

Йиндржих Йиндржишек после возвращения на родину

годня требуют гармонию, а завтра потребуют целый оркестр». Его мысль подтвердилась. Через неделю-другую пришли с требованием полного комплекта музыкальных инструментов для полкового оркестра и забрали его безвозмездно. Начали отбирать оборудование мастерских, предметы обихода из квартиры. Он видел, как разрушают его предприятия, растаскивают магазин на Крещатике, Обозную фабрику, «Экстрафон» и автомастерские, но сдерживал гнев.

В чешской школе прекратились занятия, в ней начали обитать какие-то люди. В Стромовке, названной еще при немцах «берлогой предателей», на дрова разрушали парковые сооружения и рубили деревья. Начались аресты. 5 июля арестовали О. Червены, В. Амброжа, Винаржа, Ванчу, Я. Вольфа и Й. Йиндржишека-младшего — племянника и тезку Генриха Игнатьевича (по ошибке, так как старший уже скрылся). Я. Вольфа расстреляли в конце августа 1919 года.

В 1922 году Ладислав Грунд, находясь на родине, писал, что тогда были арестованы около 50 киевских чехов-старожилов, в том числе и он. Между допросами арестованные работали на заводе «Арсенал» и на рытье могил на Лукьяновском кладбище для расстрелянных. От работ был освобожден только О. Червены, которому было почти 70 лет. Это были члены чешского комитета, выбранного в 1914 году, и других выборных органов, следующих лет. Чешские большевики указывали советским чекистам, кого арестовывать. Это были грозные сигналы об опасности. Франтишек Зуман в 1919 году писал В. Вондраку, что Й. Йиндржишек изменил внешность, сбрил бороду и, переодетый, скрывался в пути среди пассажирского багажа. На пограничной станции случай позволил ему стать в очередь тех, кто уже прошел проверку для перехода границы, и перешел ее. На другой стороне границы у него отобрали последние деньги.

На родине

Йиндржишеки вернулись в Чехию в июне 1919 года без денег. Сначала поселились в Костельце-над-Лабем на родине Марии. Потом переехали в Прагу и разместились у некоей пани Бланковой (ул. Вшегрдова 5) на Малой Стороне. Никто — ни из правительства, ни из депутатских клубов — не обратил внимания на приезд Й. Йиндржишека. Не осознавали его заслуги, не понимали, чем народ обязан ему. Никто не оказал помощи.

Венцеслав Швиговский писал, что видел его в первые дни после приезда. Он был бодрый и веселый, радовался, «что у нас республика, что мы свободны, что получили больше того, о чем мечтали». Однако ставил в вину власти и кругам, принимающим решения, что они безразлично относятся к своим большевикам, их сторонникам и тем, кто выступал против Легиона в Сибири, заявлял, что начнет кампанию против большевиков и будет проводить собрания. Эти мысли он изложил в статье «Чтобы было ясно», напечатанной 15 июля 1919 года в № 165 газеты *Národní listy*. Статья завершалась словами, обращенными к политикам: «Вы не жалели никаких средств, чтобы получить власть. Ныне ее имеете, но знайте — власть связана с ответственностью». Это была последняя его публикация. Йиндржишека начали считать контрреволюционером, и он уехал из Праги.

С сентября 1919-го он работал бухгалтером и секретарем в фирме по перевозке грузов в Терезине, а иногда и сам становился ездовым и управлял лошадьми. Через некоторое время при встрече В. Швиговский спросил у Йиндржишека, почему он не занимает место чиновника в каком-нибудь министерстве. Был ответ: «Пока могу работать, не хочу объедать республику».

Из Терезина Й. Йиндржишек перешел на службу на завод, производящий моторы. Вскоре, благодаря заботам знакомых и друзей, ему было предложено место управляющего студенческой колонией русской гимназии в Моравской Тржебове. Директором ее был В. Н. Светозаров, а наставником и организатором педагогического процесса эмигрантка, известный киевский педагог Аделаида Жекулина. Несомненно, что А. Жекулина была знакома с Генрихом Игнатьевичем еще в Киеве как ценитель его усилий на ниве просвещения и покупатель музыкальных инструментов и музлитературы для своей женской гимназии на Львовской улице (ныне в этом здании 138-я школа, одна из лучших в Киеве).

Первого декабря 1921 года Йиндржих Йиндржишек стал договорным служащим Министерства иностранных дел. Хозяйство его было большое — 40 небольших благоустроенных домов, мебель в них, около 500 спальных мест, столовая и т. д. Учащихся обеспечивали гимназической формой российского образца, учебниками и учебными пособиями на русском языке. Все это требовало хозяйского глаза и заботы.

Став служащим, Й. Йиндржишек летом получил отпуск и провел его в Подкарпатской Руси. Проекты улучшения края роились у него в голове.

В октябре 1923 года, после неполных двух лет работы в школе, он был переведен на должность консультанта по связям с Советской Россией в торговopolитическую секцию аппарата Министерства иностранных дел. Это было его последнее место службы.

На родине Й. Йиндржишек также вел общественную работу. 31 января 1922 года в Праге проходило собрание Славянского акционерного торгового общества. Не обошлось без «русских чехов из Киева». Председателем был избран В. Вондрак. Членами — Йиндржих Йиндржишек, Густав Андерле, Томаш Неедлы и другие. В 1922—1924 годах Йиндржишек был членом комитета Объединения чехов и словаков из России.

Болезнь и кончина

Весной 1924 года Й. Йиндржишек заболел, прогноз был неблагоприятный. Он аннулировал все предыдущие завещания и за месяц до смерти, 28 июля 1924 года, составил новое. В нем указал, что всю недвижимую собственность, документы на которую привез из Киева недавно Войтех Амброж, все свои доли в акционерных обществах, вклады в кредитных учреждениях (то, что осталось в Советской России), кроме «Кредитного учреждения чехов и словаков из России в Праге», передает в распоряжение Чехословацкой Республики для поддержки Чешского школьного дела в России. Все домашнее имущество, а также свою долю собственности в кооперативе в Костельце-над-Лабем завещает своей жене Марии. Золотые часы и цепочку, привезенные недавно из Киева, просит передать в золотой запас Республики. Просит правительство предоставить жене Марии пожизненно прожиточный минимум. Исполнителем завещания назначает «Объединение чехов и словаков из России в Праге», а в случае прекращения его существования просит власть назначить исполнителя. О своей давней мечте — построить «Чешский народный дом» в Киеве, он не вспомнил.

Умер Й. Йиндржишек 28 августа 1924 года. 2 сентября проходила кремация в Ольшанском крематории. В завещании он просил, чтобы похороны были скромными. Но эту просьбу не могли выполнить. Огромное количество бывших чешских колонистов из России и чешская общественность сделали похороны многолюдным, торжественным траурным обрядом.

На него приехали представители Министерства иностранных дел и возложили на скромный гроб роскошный венок с надписью «Сотруднику министерства». Присутствовали замминистра В. Гирса, дипломат П. Макса, генералы С. Чечек и О. Гусак, из русской гимназии в Моравской Тржебове

проф. В. А. Светозаров, бывший ректор Киевского университета проф. Е. В. Спекторский, друг покойного. Были представители круга стародружников и редакций газет *Národní listy* і *Národní politika*.

После кремации урна с пеплом была установлена 9 декабря 1924 года в музее Памятника Сопrotивления на Трое, а потом, спустя годы, перенесена в Памятник Освобождения на холме Витков. Во время немецкой оккупации была оттуда удалена фашистами. Дальнейшая судьба ее не установлена.

События после похорон

Когда в Министерстве иностранных дел Чехословацкой Республики, служащим которого был Йиндржишек, решали вопрос о назначении пенсии вдове покойного Марии Йиндржишковой, то выяснилось, что в соответствии с законом, принятым еще пять лет назад, в 1919 году, Й. Йиндржишеку за заслуги перед Чехословацкой Республикой должен был быть присвоен «Статус легионера». Это при жизни покойного не было сделано. Он сам не просил, и никто не отважился компетентно напомнить ему, что он этого заслуживает. Поэтому Министерство иностранных дел 27 января 1925 года обратилось в Министерство национальной обороны с ходатайством, подписанным заместителем министра доктором В. Гирсой, о признании покойного легионером за то, что он участвовал в сопротивлении с 1914 года как председатель Чешского комитета в Киеве, а с 1916 по 1918 годы — как член правления Союза Чехословацких обществ в России.

Министерство национальной обороны ответило, что решением Канцелярии Чехословацкого Легиона от 25 апреля 1925 года Й. Йиндржишек признан легионером. Сроки легионерской службы зачли иные — с 1 августа 1914 года до 13 мая 1917-го, когда он вел интенсивную политическую деятельность как в Чешском комитете Киева, так и в комитете управления Союза ЧС обществ России. После этого вдове Марии Йиндржишковой была назначена пожизненная пенсия в сумме 12 000 крон в год из фонда Министерства иностранных дел по статье «Помощь русской эмиграции...» (видимо, потому что она имела российское подданство — Авт.). С этими документами авторы ознакомились в архивах Министерства обороны и Министерства иностранных дел в 2009 году. При дальнейших архивном и библиографическом поиске узнали, что в декабре 1925 года Центральное Общество чехов и словаков из России (ЦОЧСР) решило установить мемориальную доску на доме, где жил Й. Йиндржишек. Ввиду отсутствия финансов, Общество обратилось за денежной помощью в «Памятник Сопrotивления», который оказал ее. Мемориальную доску из гранита размером 1,15 на 1,40 метров с барельефом Й. Йиндржишека заказали в декабре 1925 года у скульптора легионера Властимила Аморта за 15 тысяч крон.

В десятую годовщину Киевского Съезда Союза чехословацких обществ, 25 апреля 1926 года, в Праге на Смихове на доме № 15 (ныне №3) по улице Павла Шванды из Семчиц, где жил и умер Й. Йиндржишек, в торжественной обстановке состоялось открытие мемориальной доски. После звуков фанфар к собравшимся от этого Общества, от Круга стародружников и от «Памятника Сопrotивления» обратился председатель ЦОЧСР Вит Штибнар. Он сказал: «Сегодня мы стоим перед гранитной доской с барельефом незабвенного Й. Йиндржишка, изображенного нашим братом Властимилом Амортом. Невозможно сосчитать все благодарности чехов, которые произносились, когда они слышали его имя. Пусть имя Й. Йиндржишека останется в памяти нашего народа, особенно тех, кто помнит его помощь в первые дни мировой войны».

В обращении к вдове Марии Йиндржишковой он сказал: «Ваша любовь к нему, Ваша забота о нем давали ему возможность и силы вкладывать свои знания в дело борьбы за свободу нашего народа. Большое спасибо Вам».

В заключение церемонии руководитель Памятника Сопrotивления, писатель, полковник Рудольф Медек от имени трех корпораций, занимавшихся созданием мемориальной доски, символически передал ее на хранение Пражскому магистрату. Представитель города А. Голоубек принял доску.

Прошло время, был создан Фонд помощи старикам, вдовам и сиротам чехов и словаков из России им. Й. Йиндржишека. На собрании его правления 24 июня 1926 года было объявлено, что Фонд имеет 250 тысяч крон. Среди вкладчиков был племянник и тезка, чех из Киева Й. Йиндржишек.

В 1926 году проводилась вещевая лотерея в пользу «Фонда Йиндржишка Йиндржишека».

Вдова Мария после смерти мужа прожила шесть лет и умерла 5 марта 1930 года.

В этом году исполняется 85 лет со дня смерти Йиндриха Йиндржишека. Дом, в ко-

Церемония открытия памятной доски на доме Йиндржишека

Крецатик 25, Пассажи. Здесь было Кредитное учреждение (Úvěrový ústav), предшественник Чехословацкого банка. В этом здании происходил спор Йиндржишека и Масарика по вопросам организации войска

Улица Прорезная, вид с Крецастика. Слева — Hotel de Frans, где в 1917 году останавливался Масарик.

тором он жил на Смихове, благополучно стоит на своем месте. Мемориальной доски на нем нет. На стене нет следов ее крепления. Выходящие жильцы, отвечая на вопрос, говорят, что ничего не слышали о таковой. Авторы обращались в Институт военной истории, архивы пражского магистрата и администрации района Прага 5, однако сведений о судьбе мемориальной доски нигде не сохранилось. Судьба урны с пеплом Й. Йиндржишека пока не известна.

Невольно вспоминаются мысли Франтишека Зумана, который в двухтомнике воспоминаний «Легенда освобождения» еще в 1922 году, при жизни Й. Йиндржишека, написал: «Пожалуй, нигде так гротескно, как у Й. Йиндржишека и В. Вондрака, не проявлялась справедливость выражения, что неблагоприятность господствует над миром». А спустя несколько лет о первом напишет: «При жизни травил, а после смерти называли братом».

Александр Муратов, Дина Муратова

Личное дело Йиндржишека из архива Министерства иностранных дел ЧСР

